

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ
ГРЕХ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован
городской пейзаж «К Спасу» (2011 г.)
художника *Олега Ильдюкова*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64 Эксклюзивный грех / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-699-92771-5

Безобидную женщину-пенсионерку, бывшего врача, убивают в подъезде. А через два дня погибает ее подруга, которая когда-то работала вместе с ней медсестрой... Дети убитых, журналист Дима Полуянов и библиотекарь Надя Митрофанова, пытаются понять, связаны ли между собою две эти смерти. И выясняют, что совсем недавно погиб и бывший главный врач поликлиники, в которой когда-то работали обе женщины... Все нити этого странного дела ведут в Петербург. Туда и отправляются Дмитрий и Надя, тем более что в родном городе за ними по пятам идут безжалостные убийцы. И пока беглецам только чудом удавалось вырваться из их лап. Однако везение — вещь непостоянная. Поэтому нужно первыми найти людей, которые за всем этим стоят. Иначе каждый день для Дмитрия и Надежды может стать последним...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2016
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92771-5

Пролог

Тело лежало в неудобной позе.

Мертвая женщина когда-то была красива. Однако над ее лицом сначала долгие десятки лет потрудились жизнь. А затем — пару часов — смерть. Усилия смерти оказались разрушительными.

Некогда милое лицо с правильными, породистыми чертами застыло в бесконечном сне. Худая фигурка нелепо раскинулась, запрокинув руку, на грязном полу подъезда. Пальто расстегнуто. Ноги безжизненно вытянуты. На шее и на груди — темно-малиновые пятна крови. Под телом натекла вязкая лужа. В гадком тусклом свете подъезда лужа казалась черной, словно битум. Но сверкнул блиц милицейского фотографа, и в его блеске стало на мгновение видно, что жидкость на полу темно-красного цвета.

Вспышки высветили происходившую вокруг трупа деловитую суету. Люди, наклонившиеся над телом, было очевидно, — заняты привычной, даже прискучившей работой.

Два человека, оба в штатском, оба, как на подбор, в кожаных куртках и кепочках, перебрасывались между собой негромкими репликами:

- Ножевые...
- Да, пять или шесть...
- В область сердца, кажется, два...
- Похоже, отморозки...
- Похоже. Нож тут нигде не валяется?
- Вроде не видать. А где ее сумочка?
- Нету сумочки.

- Притырили, твари.
- А может, добрые люди подобрали...
- Или не было у нее никакой сумочки.
- Ты когда-нибудь видел, чтобы женщина выходила из дому без сумочки?

Случайные зрители, ставшие свидетелями трагедии, стояли остолбенев. Жались к подъездной стеночке. Невозвратимые перемены, происшедшие в мертвом человеке, его окаменение и немота, были им внове. Смерть оглушила их. Одна из женщин, в тапочках с помпонами, потрясенно прижимала к груди ткань своего халатика. Другая, в пальто и шапке, беззвучно плакала. Стирала слезы со щек носовым платком. Подросток баскетбольного роста глазел на труп, полуоткрыв рот. «Кому сказала: иди домой!» — прошипела ему женщина в халатике. «Ну, мам...» — пробасил подросток.

К свидетелям подступил молоденький румяный человек в шинели. На его погонах блистали золотом две новенькие маленькие звездочки.

— Вы знали потерпевшую? То есть вот эту женщину? — Он указал на труп.

Плачущая женщина мелко затрясла головой. Вторая (та, что в халате) с трудом проговорила:

— Это моя соседка. С моего этажа. Из тринадцатой квартиры.

- Как ее звали?
- Евгения Станиславовна.
- Фамилия?
- Не помню.
- Она жила одна?
- Да.

Вопросы сыпались один за другим. Лейтенант чувял, что нашел ценного свидетеля, и спешил продемонстрировать рвение перед вышестоящими товарищами — теми, что в кожаных куртках.

- Она была совсем одинокой? — продолжал наседавать он.
- Сын. Иногда к ней приезжал сын.

ГЛАВА 1

Надя

В воскресенье моросил дождь. Москвичи спешили поставить на выходных жирную точку, растекались по ресторанам, кафе, дискотекам. Где-то там, в центре столицы, мерцали витрины, гремела музыка, люди встречались, обнимались, смеялись. Где-то там рекой лилось пиво, и народ давился в очереди на очередной блокбастер в «Пушкинский», и надутые швейцары отворяли перед гостями двери в казино.

Надю совсем не тянуло в суету, в центр. И денег на всякие баловства нет, и желания в такой дождь куда-то тащиться. Она сидела дома и была счастлива. Почти счастлива.

«— Посмотрите, как хорошо! — сказал я, невольно понизив голос.

— Да, хорошо! — так же тихо отвечала она, не смотря на меня. — Если б мы с вами были птицы, как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве...»

Надя вздохнула, отложила книгу, откинулась в кресле, задумалась... Хорошо в промозглый осенний выходной побыть дома: почитать, помечтать. За окном сырость и мерзость, а в квартире натоплено, уютно, оконные стекла исполосованы струйками ледяного дождя. Ни пылинки, ковер тщательно выметен, в «стенке» — милые сувениры: мраморный слоник и голландская ветряная мельница, репродукция Себастьяно дель Пьомбо над столом, недошитое платье в одном из кресел... Надя любила свою квартиру, срослась с ней. Но если бы только было можно... «Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зе-

леными берегами, в одном месте он горел багряным закатом золота... Меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и легкий, он тихо колыхался и перекатывался волнами...»

И Надя представляет, как она идет по берегу Рейна, и как покойно кругом, и как солнце играет в величавой воде. «Побывать бы на этом Рейне. Но как? И с кем?!»

...Под окном Надиной комнаты резко взвизгнули тормоза. Хлопнула брошенная сильной рукой дверца. Понесся требовательный рык:

— Юлька! Юлька!!! Ну где ты там?! Выходи давай!

Надя досадливо захлопнула форточку. Когда эта соседка Юлька выйдет наконец замуж — или еще куда из их дома денется?! Вечно ее бешеные поклонники все настроение нарушают.

Читать больше не хотелось. Надя закрыла затертый томик и бережно вернула его на полку, просунула книгу в дальний, второй, ряд. Вовсе не нужно, чтобы Тургенев бросался в глаза гостям. «Тургеневской девушкой» быть нынче немодно, и Надя даже лучшей подруге Ленке не рассказывала, что перечитывала «Асю» как минимум восемь раз. О Надиных пристрастиях знала только мамуля — и, конечно, посмеивалась над мечтательницей-дочкой. Вот и сейчас мама заглянула в комнату и деловито спросила:

— Опять в облаках витаешь?

Надя не сердилась на маму. На то они и родители, чтобы желать как лучше. Она неопределенно пожалала плечами.

— Ты занята? — поинтересовалась мама.

— Платье вот хотела дошить... — Надя махнула рукой в сторону кресла, где топорщился утыканный булавками кусок ткани.

— Вижу я, как ты шьешь, — понимающе проворчала мама. И попросила: — На кухне мне поможешь?

— С посудой? — нахмурилась Надя.

Возню у раковины она ненавидела. Не потому, что сложно, — просто времени жаль. Сколько тарелки ни мой, все равно опять испачкаются, после следующей

трапезы придется мыть их снова... а жизнь так и утекает под журчание воды и бормотание кухонного репродуктора.

— Да не бойся, не посуда, — утешила мама. — Я там с рыбой вожусь.

Рыба! Еще хуже! Надя отлично помнила, как мама притащила с рынка живого карпа и забивала его молотком. У карпа — глаза огромные, перепуганные, и кровь во все стороны брызжет...

— Mam, ну боюсь я этих рыб, — жалобно проговорила Надя.

— М-да, хозяйки из тебя не выйдет, — скептически проворчала та.

— Ну ма-ам... — прохныкала Надя еще жалобней.

Но мама не сдавалась:

— Пошли, лентяйка, пошли!

В кухне тем временем зашипело, зафыркало.

— Суп убегает! — всполохнулась мама, метнулась из комнаты. Но Надя ее опередила, первой домчалась до конфорки, убавила газ, сняла с кастрюли крышку. Суп спасен, так что зря мама сердится, что она неловкая и небыстрая.

Живого карпа в кухне, по счастью, не наблюдалось, в миске лежали аккуратно разделанные кусочки филе. А раз обойдется без рыбоубийства, можно маме и помочь.

— Ну ладно, говори, что делать, — пробурчала Надя.

— Тесто для фритюра. Взобьешь яйцо, потом добавишь в него пиво...

Надя только головой покачала. Вечно мамуля чего-нибудь учудит. Рыбу в пиве жарить, где ж это видано? Она, Надя, на такие изыски не способна. Только борщ готовить и умеет — целый месяц училась.

Под чутким маминым руководством обед удался. Ни в каком ресторане так не накормят. Одно обидно: мама купила свежий хлеб. А кто удержится от нежнейшего, ароматнейшего, еще теплого батона? Надя съела под супец да под рыбку целых три куса — что означает плюс как минимум килограмм. Поэтому теперь ей придется сидеть без ужина. Или, что еще хуже, валяться на ковре и крутить «велосипед», сгоняя вес. Что у нее за фигура

такая! Право, несносная — чуть больше съешь, немедленно полнеть начинаешь. Вон, подруга Ленка лопает, как три грузчика, а выглядит тоще заваливающей селедки.

— Конституция. Аэробика. Сигареты, — оправдывала свой идеальный вес подруга.

С конституцией Наде и впрямь не повезло — что поделаешь, наследственность, мамуля вон уже пятьдесят четвертый размер разменяла. На аэробике Надежде не понравилось. Во-первых, скучно, все движения похожи. А во-вторых, за шустрой тренершей разве поспеешь? А курить Надя тоже не любит. Пофорсить с сигаретой в руке, в общем-то, можно, но потом от самой себя так противно воняет! Никакая жвачка не спасает. Да и мама бурчит насчет рака легких.

Оставалась диета. Тоже, конечно, приятного мало. Когда сидишь за хорошей книгой, так и тянет пожевать то сушку, то сухарик... Может, ей теннисом каким заняться? Или в фитнес-клуб пойти? Только с их доходами в фитнес-клуб с теннисом как раз прямая дорога. Маминой пенсии едва на продукты хватает. А Наде приходится обеспечивать все остальное — одежду, обувь да скромный отдых. Учится она добросовестно — стипендия почти всегда повышенная. После занятий работает на полную ставку, с двух и до девяти, в Исторической библиотеке. Но студентам платят гроши, а библиотекарям и того меньше. А стоять на рынке, как Ленка, Надя не умеет и не хочет. Попробовала однажды книгами торговать — так у нее в первый же день с прилавка сперли дорогущую секс-энциклопедию. Пришлось собственные триста рублей выкладывать. Хорошо хоть, мама ее всегда поддерживает:

— Тебе в библиотеке работать нравится? Ну и работай. С голоду не помрем.

В библиотеке Надя согласна работать хотя бы из-за одного запаха. Так вкусно в библиотеке пахнет! Переплетаются ароматы новых гляцевых книг, пыльных старинных томов, газет, древнего, изъеденного жучком паркета... И еще пахнут цветы — они на пару с начальницей, заведующей профессорским залом, развели на подоконниках целую оранжерею и сурово отчитывают рассеян-

ных ученых, что в задумчивости ощипывают лепестки. Вообще публика у них в Историчке классная. Например, старушки-ученые, приходящие в их профессорский зал. Надя, кажется, физически на расстоянии ощущает их ум, и железную, совсем не женскую логику, и аромат давно забытых духов... Молодые доценты — не те, что являются в затерханых джинсиках, а успешные, работающие на западные гранты, — просто фантастика. От них пахнет «Хьюго Боссом», и хорошими сигаретами, и еще каким-то особенным, очень *мужским* запахом. Так и хочется немедленно рвануть в хранилище и самолично разыскать для них какое-нибудь редкое *Уложение* шестнадцатого века...

— Давно бы кого из них подцепила! — советует Ленка.

Только как их подцепишь? Кто обручальным кольцом сверкает — с такими Надя не связывается. А другие — шоколадки дарят, но телефончик не просят...

— Ты еще в балахон нарядись. И в чадру, — издевается подруга, оправдывая невнимание к Наде со стороны мужиков.

Верная Ленка давно пытается приучить Надю к кофточкам в обтяжку да к легкомысленным юбкам. Но за мини-юбку заведующая без гарнира сжует. А узких кофточек Надя сама стесняется. Грудь у нее подкачала — выросла, будто на силиконе. Натуральные пышки. Хачики с рынка так и норовят цапнуть. Такие булки выпячивать — себе дороже. По улице спокойно не пройдешь, да и профессоров в греховные мысли вводить боязно...

— Все у тебя будет, — успокаивает Надю мама. — Просто ты молодая еще.

— Ну ничего себе, молодая — двадцать три уже! — возмущается Надя.

А мама говорит ей, что женщины делятся на «свистушек» и «настоящих». «Свистушки» выскакивают замуж сразу после школы, немедленно обзаводятся кучей детей и годам к тридцати выходят в тираж, стареют и меркнут. А «настоящие», говорит мама, в тридцать лет только расцветают, наливаются соком, мудреют. «Молодость для них — как для брильянта огранка, — уверяет мама. — Свистушки, пока молоды, водку пьют. А настоящие —

ума набираются. И к тридцати — засияют. Как алмаз «Орлов», засияют!»

Надя вздохнула, слушая мамины утешения. Никто не спорит, хорошо мечтать, что скоро ты превратишься в бриллиант. Но только так скучно весь выходной сидеть в своей комнате! И лишь *читать* про то, что где-то есть и любовь, и секс, и разочарования, и жизнь, и праздник... А выходной уже катится к вечеру, и вот соседка Юлька с довольной мордочкой выпорхнула из подъезда. Одета в неизменную кожаную юбочку, грузится в чей-то потертый, но — джип. Уносится на поиски приключений. А у нее, Нади, приключения только в книгах. И в них же — страсть, ненависть, ревность. А настоящей жизни будто и нет. Стоит она, как Гаврош, у манящих витрин, а зайти внутрь не может.

«Кожаную юбку себе, что ли, купить? — думает Надя, уже засыпая. — Ноги-то у меня длинные...»

Дима.

То же самое время

Дима сидел в кабачке на Дам-сквер, пил пиво. Расслабленно улыбался. За натертым до блеска окном шумела Европа. Из автобусов выплескивались бесконечные волны туристов. Хмурый уборщик сосредоточенно оттирал еле видимое пятнышко на асфальте. Амстердам, заграница, бочковой «Хайнекен» — все позади, завтра домой.

«Ведь отписываться придется, — вяло думал Дима. — А о чем писать — фиг его знает. Ну ладно, прорвусь. Чего-нибудь да придумаю. Путеводитель куплю, в самолете читаю...»

О, Амстердам, лихорадочный, бешеный, беспредельный, отвязный город! Что можно о нем рассказать? Написать о неулыбчивых барменах из кафе-шопов? О добропорядочных бюргерах, стыдливо хихикающих над непристойными сувенирами? Сувенирные магазинчики Амстердама полны всяких развратных штучек. Себе Дима приобрел «сладкую парочку»: два пластмассовых зайца, один позади другого. Поворачиваешь ключик —

звери начинают... э-э... м-мм... Когда Дима в лавчонке самолично завел развратных зайцев и те принялись совершать возвратно-поступательные движения, он ржал на всю Голландию. Зайцы работали до уморы сосредоточенно. А рожица одного из зверей — того, что внизу, — удивительно напоминала постную физиономию главного редактора. Дима немедленно приобрел сувенир. Он поставит его на свой стол и будет заводить после летучек-планерок.

«Хорош я, хорош, — со смешливым уничижением думал Полуянов, потягивая терпкое свежее пиво. — Неделя в Амстердаме, а материала — с заячий э-э... ну, скажем, хвостик. Никаких тебе культур-мультур — одна порнуха».

Пиво шло замечательно, осенний день золотился прохладным солнцем, и Дима на самом деле особо не переживал. Он знал цену строгому с виду заданию *«написать культурно-исторический очерк об Амстердаме»*. Слава богу, не первокурсник журфака, понимает, что к чему. Впрочем, первокурсника в Голландию и не послали бы. Такие поездки достаются людям опытным, уважаемым. Это что-то вроде премии. Или аванса.

Рекламный отдел родимой газеты, «Молодежных вестей», всю осваивал бартер. В том числе — туристский. Фирма «Амстердам-сервис» оплатила газете одну путевку. Взамен фирмачам пообещали *«очерк на полполосы, а в конце — модульную рекламу турфирмы»*. В редакции немедленно началась тихая война за халявную поездку. Начальница рекламного отдела уверяла, что лучше ее никто не напишет — тем более что договор добыла именно она. Зам главного прочил в поездку свою фаворитку из отдела писем. Даже вечно витающий в высших сферах заведомом культуры внезапно спустился с небес и предложил свои услуги по «полномасштабному освещению культурологических пластов Амстердама».

Но в поездку отправили его, Полуянова. Чего уж скрывать — очень приятно. Даже не из-за Голландии — подумаешь, фуфло, и сам мог бы путевку купить, — а потому, что, выходит, его в газете ценят. Берегут. Боятся

потерять. Привязывают к «Молвестям» заграничными вояжами.

— Отдыхай, Полуянов, набирайся сил, — напутствовал его редактор. — И смотри мне там — без кафе-шопов...

— Как можно? — округлил глаза Дима.

Просвещенные коллеги уже успели его напутствовать: мол, только в прогрессивном Амстердаме можно забыть добрый косячок, не рискуя попасть за это в кутузку. И Дима решил, что обязательно попробует голландской «травки». Немного, пару затяжек. А то журналист называется — до тридцати лет дожил, а марихуаны не употреблял ни разу. Но уж в Амстердаме, где косяки в каждой кафешке скручивают, он своего не упустит!

Впрочем, еще в самолете и даже в амстердамском аэропорту со смешным названием Схыппол Дима честно собирался ходить на экскурсии и в музеи. Записывать впечатления, цифры и факты. Приобретать местные газеты на английском...

Но в первый же вечер, когда его группа разбрелась по номерам, Дима отправился на вылазку. Как можно спать, когда ты — в Амстердаме, а на часах полночь, и улицы шумят-гудят, и под окнами фланируют расслабленные, аппетитные туристки... В конце концов, он даже «Хайнекена» настоящего еще не попробовал! Дима без сожаления покинул отель и немедленно осел в симпатичной пивнушке. Потягивал «Хайнекен» — хорошим пивко оказалось, не то что в Москве! Глазел на девушек. Девушки, почти все, призывно улыбались в ответ. Только выбирай! Он подкатился к типичной, на его взгляд, фламандке — пухленькой и белокурой. Впрочем, лапуля уверяла, что она француженка, но какая, собственно, разница, когда у девчонки глаз горит и она соблазнительно облизывает влажные, пухлые губки!

— Ты «траву» курить умеешь? — немедленно поинтересовалась новая подруга.

— Нет. Но хочу попробовать, — честно ответил Дима.

— И мне косяк купишь?

— Нет вопросов!

Девчонка радостно подскочила. Они потащились сна-

чала в один кафе-шоп... потом — в другой... везде брали один косяк на двоих. Девчонка и смолила за двоих, а Дима старался дым почти не вдыхать. Однако очень скоро он отчего-то почувствовал себя сильным и бесшабашным. И готовым к разным безумствам. После второго косячка они с девушкой целовались в чистой голландской подворотне. После третьего новой подружке пришла в голову фантастическая идея: пойти в район красных фонарей и взять стройную мулатку — одну на двоих. Полуянов браво согласился. Но месторождения мулаток они не нашли. В проституточьем квартале за стеклянными витринами восседали все больше раскормленные блондинки. Дима во все глаза пялился на их мини-трусики и мини-лифчики и обнимал новую подругу за разные места все крепче.

Когда Дима перешел к более решительным действиям, француженка потребовала с него за любовь сто баксов. Оскорбленный, уставший и пьяный Дима покинул меркантильную нахалку и долго блуждал по ночному городу, пытаясь отыскать дорогу в гостиницу. Оказавшись наконец в отеле — часов в пять утра, — Дима понял, что встать к восьми, к завтраку и неизбежным экскурсиям, он решительно не сможет.

«Ну и город! — ошарашенно думал Дима. Он проснулся в час дня и, лежа в постели, потягивал ледяной сок из бара. — Здесь ухо остро держать нужно! Все, больше никаких косяков! И никаких француженок!»

Он прислушался к собственному организму. Ломки вроде не было, тяги к наркотикам тоже. Зато разыгрался волчий аппетит. Орешки из мини-бара голод не утоляли, и Полуянов решил пообедать в приличном месте. Он вышел из гостиницы, поспешно миновал вчерашнюю свою первую пивнушку, прошел мимо множества кафе-шопов и наконец выбрал некий «Саппер-клуб». Его привлекло благородное, респектабельное название — «Клуб для ужина».

Метрдотельша провела его в зал, и Дима растерянно остановился на пороге. В комнатке, покрашенной в белый цвет, имелось несколько белых лежаков — точно